

Ферапонтов монастырь

в ликах и лицах

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕРАПОНТ • 8 (АКАФИСТ • 83)
ПРЕПОДОБНЫЙ МАРТИНИАН • 15 АРХИЕПИСКОП
ИОАСАФ • 20 БЛАЖЕННЫЙ ГАЛАКТИОН • 31
ПРЕПОДОБНЫЙ КАССИАН ГРЕК • 33
ИКОНОПИСЕЦ ДИОНИСИЙ • 36 МИТРОПОЛИТ
СПИРИДОН-САВВА • 40 СТАРЕЦ ВАРЛААМ-ДОБРОПИСЕЦ • 43
ЕПИСКОП ФИЛОФЕЙ • 44 СТАРЕЦ ПАИСИЙ • 47
ПАТРИАРХ НИКОН • 55 МИТРОПОЛИТ АРСЕНИЙ
МАЦИЕВИЧ • 66 СВЯЩЕННИКИ АРСЕНИЙ
И ПАВЕЛ РАЗУМОВСКИЕ • 70
ИГУМЕНΙΑ ТАИСИЯ • 74

Православное
издательство
"Родник"
Москва, 1998

1274421

Особый след в истории Ферапонтова монастыря оставил период пребывания в нем опального патриарха Никона, который впервые посетил обитель в 1651 году, будучи митрополитом Новгородским, а через 15 лет его доставили сюда уже низложенным, под охраной стрельцов и пристава.

Пожалуй, трудно найти в истории Русской Православной Церкви личность, о которой было бы написано столько противоречивого. В исторической литературе в течение трех веков сложился определенный стереотип в описании и оценке его деятельности. Хотя в конце жизни патриарх Никон был возвращен из ссылки и восстановлен в патриаршем достоинстве, русская монархия, начиная с царя Петра I Алексеевича, сохраняла к нему отрицательное отношение, и это нашло свое отражение в оценках его роли у историков. Предвзятый судебный процесс 1666 года создал официальную версию, умышленно искажающую духовный облик патриарха и результаты его первосвятительских трудов [32].

Предпринятые Никоном в первые годы его патриаршества меры в отношении церковного устройства, исправления книг и восстановления древних обрядов в богослужебной практике нельзя назвать реформой, то есть преобразованиями. Они были начаты его предшественниками — патриархами Филаретом, Иоасафом и Иосифом — и предпринимались по решению Церковных Соборов. Деятельность российского патриарха была одобрена восточными патриархами и проводилась с прямым участием Вселенской Церкви.

Поместный Собор 1651 года одобрил исправление книг. Царь Алексей Михайлович передал Московский Печатный Двор из ведения Приказа Большого Дворца в распоряжение патриарха. Русское богослужение было приведено в соответствие с современной греческой практикой: введены проповеди, строгая уставность, особые требования предъявлялись к подготовке пастырей, к их деятельности и нравам; введен надзор за нравственным состоянием населения. В делах гражданских патриарх многое сделал для исправления недостатков правосудия, возвращения утраченных в Смутное время исконных русских земель. При нем начато устройство училищ для духовного просвещения, сделаны списки с чудотворных икон Царьграда и Святой Горы Афонской, которые также прославились чудотворениями. Его же заботами

было привезено с Востока около тысячи древнейших рукописей и книг — тем самым обогатились церковные книгохранилища.

Патриархом Никоном основаны три монастыря “по образу и подобию” Святых мест. Воскресенский монастырь, именуемый Новым Иерусалимом, — последнее строительное деяние патриарха; он явился гениальным воплощением идеи создания духовного центра в православной Руси и был копией палестинских святынь [33].

Значение деятельности патриарха Никона, этого неутомимого труженика, трудно переоценить. Его авторитет обеспечил приоритет церковной власти в делах Церкви — до этого государственное участие в церковных делах было неоправданно велико и решение многих церковных вопросов происходило волей государя. Святейший патриарх Никон — это целая эпоха важнейших и интереснейших решений: это и развитие иконографического учения православия, и уникальные явления в русской архитектуре, и постановка новых проблем в отношениях монархии и Церкви, и многое, многое другое...

Анализ действительных причин раскола в Церкви не входит в задачу настоящего повествования. Обратимся к биографическим сведениям о том периоде жизни патриарха Никона, который был связан с Ферапонтовым монастырем.

...Никита Минов родился в 1605 году в Нижегородских пределах, в селе Вельдеманове [34]. Рано потеряв мать, он увидел много горя от мачехи. В отроческом возрасте, обучившись грамоте, Никита отправился в пустынь преподобного Макария Желтоводского, где стал послушником в 12 лет. Затем по зову отца, который оказался при смерти, вернулся в родное село. Похоронив родителя, по настоянию семьи женился и вскоре принял сан священника.

Слава о пастырских добродетелях и благочестивой жизни иерея Никиты Минова распространилась до Москвы, куда он и переехал на 22-м году жизни. Похоронив троих малолетних детей, он уговорил супругу разойтись по монастырям: ее поместил в Московский Алексеевский монастырь, для себя же избрал пустынный Анзерский скит Соловецкого архипелага на Белом море.

Устав Анзерского скита был очень строг. Там иерей Никита был пострижен в монашество с именем Никон. Через четыре года, когда он со своим спутником плыл в лодке в Кожеезерскую пустынь, началась буря и путешественники едва не погибли. В память о своем спасении Никон дал обет построить на острове Кий, где

Портрет патриарха Никона (1650-е годы). Кирилло-Белозерский музей

лодку прибило к берегу, монастырь, что и исполнил в 1656 году. Монастырь был назван Крестным.

Устав Кожеезерской обители был общежительный. Иеромонах Никон, желая для себя большей строгости, просил игумена и братию разрешить ему уединиться на острове, где утвердил правило Анзерского скита. После смерти настоятеля братия уговорила Никона стать игуменом.

Юный государь Алексей Михайлович, прослышав о постнических и молитвенных подвигах игумена Никона, повелел представить его ко двору. Вскоре Никон стал архимандритом Московского Новоспасского монастыря и особой, близкой к царю, — его “собинным” другом, а позже восприемником царских детей. Находясь вблизи царя, архимандрит Никон горячо ходатайствовал за бедных, вдов и сирот, искавших правосудия, через Никона шли к царю челобитные.

В 1649 году Новгородский митрополит Афония ушел на покой, его место по выбору патриарха и Собора занял архимандрит Никон. Будучи митрополитом Новгородским, в 1651 году Никон отправился в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа (Колычева). На обратном пути, везя святые мощи, он остановился в Ферапонтовом монастыре. (Могли предполагать митрополит, что в недалеком будущем вернется в эту обитель, но уже при иных обстоятельствах?!) Остановка оказалась непродолжительной. Вскоре сюда прибыл гонец с царским указом спешно ехать в Москву на выборы нового патриарха. Патриархом избрали Никона.

Спустя время, после проведения ряда мер в отношении церковного устройства, отдававших греческому авторитету преимущество перед русской стариной, которые вызвали немалое смятение в разных слоях общества, патриарх Никон впал в немилость. Этому во многом способствовала придворная боярская знать, которой оказалась не по душе строгость патриарха к ее нравам. Не имея согласия с государем, Никон удалился из Москвы на реку Истру, в основанный им Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь.

Восемь лет при живом патриархе Церковь вдовствовала. Пережив разрыв с царем Алексеем Михайловичем и открытую враждебность бояр, патриарху пришлось испытать и позор судилища. В 1666 году святейшего Никона вызвали в Москву на соборный суд. Не все иерархи считали суд необходимым, многие глубоко сокрушались о происходящем, как и о размолвке церковной и светской глав державы — патриарха и монарха. В числе таковых был архиепископ Вологодский Симон. На последнем заседании Собора 12 декабря участь Никона была решена: с предстоятеля Русской Православной Церкви был снят патриарший сан. При этом печальном и доселе невиданном действии царь не хотел присутствовать, не приняли участия в нем и наиболее достойные иерархи.

Местом ссылки опального патриарха назначили древний Ферапонтов монастырь на Белоозере. Увозили Никона к месту ссылки

торопливо, боясь смуты, поэтому дорога оказалась не только трудной, но и опасной. Сани не раз опрокидывались, патриарх сильно ушибся. На всем пути пристав прежде остановок посылал стрельцов, чтобы разгонять народ. Охраняли ссыльного 50 стрельцов. На восьмой день, в ночь на 21 декабря, проехав мимо Кирилло-Белозерского монастыря, повозка подъехала к воротам Ферапонтовой обители.

С этого момента для патриарха Никона началась жизнь, полная скорбей и лишений. Ему приходилось терпеть притеснения охраны, обиды от игумена монастыря и монахов, келейное неустройство при отсутствии сочувствия и чьей-либо помощи. Он лишен был сыновней поддержки братии любимого Воскресенского монастыря.

Поначалу, за неимением помещений из-за происшедшего накануне сильного пожара, опального поместили в больничных кельях на хозяйственном дворе. Позже ему было разрешено построить свою келью. Поскольку общение с братией обители патриарху было запрещено, то, по указу Алексея Михайловича, Богоявленская надвратная церковь стала его домовым храмом. К ней примыкала келья, в которой, по устному преданию, записанному в середи-

Внутренний двор Ферапонтова монастыря.

Надвратные церкви на Святых вратах – домовый храм патриарха Никона.

Пристройка справа – предположительно одна из его келий

не XIX века путешественником профессором С. П. Шевыревым [35, 103], Никон жил некоторое время, пока строилась его келья у Водяных врат. В церковь от его кельи вели переходы по монастырской стене на протяжении 30 саженой. Но жить в новой келье Никону почти не пришлось...

Ферапонтовская ссылка длилась 10 лет. Несколько человек из окружения патриарха добровольно последовали за ним в изгнание: монахи Памва и Палладий, иеродиаконы Исаия и Маркелл, дьяк Тарас Матвеев и Ипатий Михайлов. Через некоторое время из-за сильных притеснений некоторые из них просили разрешения вернуться в Москву. В 1672 году к Никону пришли старец Флавиан с помощником.

Особенно жестоко обходились с патриархом приставы. Один из них, Степан Наумов, велел заковать окна кельи Никона решеткой, поставил у нее караул, не разрешал выходить и никого не впускал. Даже Каргопольскую дорогу отнесли дальше от монастырской стены. Ссылный жаловался на притеснения со стороны пристава, казначея монастыря и игумена, но послабления в режиме сменялись новыми строгостями, связанными с многочисленными доносами недругов Никона.

Ферапонтовские монахи по-разному относились к положению ссылного патриарха. С одной стороны, можно было ожидать, что вернется к опальному монаршая милость, с другой — находились в монастыре такие, кто радовался низвержению грозного иерарха. Тяжко было деятельному Никону томиться в Ферапонтовом монастыре, нелегко давалось и братии его пребывание в обители. На монастырскую казну ложилось тяжелое бремя не столько из-за содержания самого Никона, сколько из-за разорительных расходов связанных с его охраной. Из монастырского хозяйства постоянно требовались лошади и подводы — то для отправки депеш в Москву, то людей, подозреваемых в злоумышлениях по “делу Никона”.

Патриарх по мере сил старался облегчить расходы монастыря: из царской милостыни вносил деньги на содержание живших у него старцев, отдавал свои скудные запасы в монастырскую трапезу, ловил для братии рыбу, хлопотал перед государем об освобождении монастыря от некоторых повинностей. Обо всем этом рассказывают многие документы, в том числе обстоятельные письма Никона к Алексею Михайловичу, донесения приставов, отчеты царских посольных, а также само “Дело о патриархе Никоне” [36].

1670 год сильно подорвал здоровье патриарха. В один из дней спешно вызвали из Кириллова монастыря духовника для соборова-

ния. Ссылный писал государю, прося у него прощения за свои речи и поступки и сокрушаясь о своем бедственном положении: “Ради всех этих моих вин отвержен я в Ферапонтов монастырь шестой год, а как в келье затворен — тому четвертый год. Теперь я болен, наг и бос и креста на мне нет третий год, стыдно и в другую келью выйти, где хлебы пекут и кушанья готовят, потому что многие части зазорные непокрыты, со всякой нужды келейной и недостатков оцынжал, руки больны, левая не подымается, на глазах бельма от чада и дыма, из зубов кровь идет смердящая и не терпят ни горячего, ни холодного, ни кислого, ноги пухнут, и потому не могу церковного правила править, а поп один, и тот слеп, говорит, по книгам не видит; приставы ничего ни продать, ни купить не дадут, никто ко мне не ходит и милостыни просить не у кого” [10, 166–167].

Вопрос о ссылном патриархе не мог оставаться частным, не был он и исключительно церковным. В одном из писем приводятся слова Никона посланному царем окольничему: опальный говорил, что неразумная запретительная клятва восточных патриархов, которая выразилась в осуждении русского первосвятителя, ляжет и на весь православный российский народ, и, если она с него не снимется, для страны ждать добра нечего.

Делались попытки вызволить Никона из ссылки, но противостоящая боярская партия была сильна. Весной 1668 года Константинопольский патриарх Парфений писал государю в защиту Никона: “Молим тебя, возврати его в монастырь свой; для наказания ему достаточно одной ссылки, не обременяй его большим, оставляя такого достойного человека в таком великом пренебрежении, возврати из ссылки крестившего твою благословенную отрасль” [10, 160]. Но грамота пришла в Москву спустя много времени после того, как началось расследование по извету архимандрита Новоспасского монастыря Иосифа.

Царь Алексей Михайлович неоднократно пытался помириться с патриархом, просил его благословения и молитв о домочадцах, но изменить его положение не решался. Когда скончалась царица Мария Ильинична, царь послал милостыню для поминовения ссылному Никону, но тот денег не принял, ссылаясь на то, что и без подарков обязан совершать церковное поминовение по усопшей. За смертью супруги царя последовала кончина сыновей Симеона и наследника Алексея, на которого Никон возлагал надежды, ожидая освобождения.

Не пришло патриарху облегчения и с началом царствования юного Федора Алексеевича, когда при нем взяли силу Милославские

и боярин Хитрово — враги Никона. Нарышкиных и боярина Матвеева, давнего друга патриарха Никона, удалили от двора и отправили в ссылку. Сослали также, лишив сана, посредника Никона в челобитных государю протопопа Андрея Савинова, духовника царя.

Положение ссыльного ухудшилось со вступлением в 1674 году на патриарший престол митрополита Новгородского Иоакима, которого когда-то Никон сам и возвысил. Ему послали выговор, ложно обвиняя в том, что он держит лишних людей, придирается к монахам, величает себя патриархом и “много других вин” имеет. На Никона легла тень подозрений в измене государю, будто он имел сношение с бунтовщиками под водительством Степана Разина. К “Делу патриарха Никона” собрали все показания недовольных, его же обидчиков и наветчиков, которых Никон в свое время обличал в злоупотреблениях.

Созванный патриархом Иоакимом Собор 1676 года постановил: без суда и следствия перевести Никона под строгий надзор — по сути, на тюремное положение — в Кирилло-Белозерский монастырь. Опальный спокойно выслушал новый обвинительный акт, состоявший из многих пунктов. Заклучался он приговором: “И по тем твоим вымышлениям и непростойным и не во славу Московскому государству мятежным делам в Ферапонтове жить тебе по своей воле неудобно. А... жить тебе в Кирилловом монастыре в келье по иноческому чину и о тех своих злых делах приити в совершенное покаяние” [10, 216].

Все имущество Никона в Ферапонтове описали и отобрали, включая съестные припасы, келейных старцев сослали по разным монастырям. В Кириллове к нему приставили двух монахов для надзора, которые никого к патриарху не допускали, не давали писать писем, следили за ним даже в церкви. Никон почти упал духом, чувствуя себя заживо погребенным.

Прошло еще пять лет полутюремного заключения, наконец царь Федор Алексеевич обратил внимание на Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь, построенный патриархом Никоном, и сделал его местом своего богомолья. Немалое влияние на государя оказывала его тетка Татьяна Михайловна, давняя почитательница Никона. Царь начал слать милостыни, освободил келейных старцев из ссылки. Из Воскресенского монастыря подали царю челобитную о патриархе Никоне, ее подписали 60 монахов. Федор Алексеевич вызвал патриарха Иоакима во дворец, уговаривая его освободить Никона, но тот остался непреклонен. Государь написал в Кириллов монастырь собственноручное письмо, в ко-

тором величал Никона патриархом, обещая скорое освобождение. Никон был уже тяжело болен и, предчувствуя близкую кончину, просил воскресенских монахов еще “побить челом”. Вторичной просьбе царя патриарх Иоаким не посмел отказать.

За день до приезда гонца в Кириллов Никон стал собираться в путь, оделся на дорогу, приказал вынести себя на крыльцо и сел там в креслах в ожидании. Окружавшие расценили это как беспомощность от болезни и старости и удивились, когда действительно подъехал дык и объявил царскую милость. Патриарх Никон поднялся с кресел и, несмотря на слабость, выслушал указ стоя. Ему возвращалась свобода и разрешалось вернуться в Воскресенский монастырь.

Было лето, но патриарха везли к пристани в санях, чтобы не было тряски, там пересели в струги. Струги поплыли вниз по Шексне к Волге. Недалеко от Ярославля, у Толгского монастыря, струги остановились, патриарх велел пристать к берегу, чувствуя близкую кончину. Игумен Толгского монастыря со всей братией вышел встречать патриарха.

17 августа 1681 года у Ярославля, когда зазвонили колокола к вечерне, Никон оживился, стал поправлять волосы и одежду, спокойно сложил руки на груди и во время пения последования на исход души спокойно почил на 77-м году жизни после 15-летнего заточения.

Царь для встречи патриарха послал свою карету с лучшими конями, но она уже не понадобилась. Дубовый гроб повезли на дрогах в Москву. По пути духовенство выходило навстречу, монахи всех монастырей, мимо которых шло траурное шествие, в том числе и Троице-Сергиевой лавры, провожали тело патриарха. На торжественные похороны в Воскресенский монастырь приехал государь Федор Алексеевич с семейством и боярами.

Несмотря на теплое время года, за 10 дней дороги тело патриарха не подверглось тлению. За версту до его монастыря в особой келье тело облекли в архиерейскую мантию с панагией и схиму. Крестный ход двинулся в монастырь. Царь участвовал в процессии, читал Псалтирь, пел стихиры. Никона именовали патриархом. Дубовый гроб вложили в мраморный, сооруженный в приделе Иоанна Предтечи под Голгофой — на том месте, которое указал сам патриарх задолго до кончины.

Вскоре были получены от восточных патриархов разрешительные грамоты, восстанавливавшие Никона в первосвященническом сане. В глазах же народа патриарх был святым. В церковных

книгах до синодального периода патриарх Никон значится местночтимым святым, а в некоторых упоминаются его нетленные мощи [32, 168].

Примечательно, что отзывы о патриархе Никоне зарубежных путешественников кардинально отличаются от характеристики, данной ему отечественными историками. Так, современник Никона архидиакон Павел Алеппский из Антиохии пишет: “В личной жизни Никон был очень скромн, в одежде — прост, в еде — строгий постник. Но для чести патриаршего сана считал необходимым самые драгоценные и красивые облачения, а в трапезах для гостей — самое широкое хлебосольство. Никон был необычайно щедрым и гостеприимным хозяином, в частной обстановке любил шутку и доброе веселье, был общительным, внимательным и приятным собеседником... На званных обедах патриарха, как правило, накрывался стол для нищих, слепых, увечных, многих из которых он кормил и поил своими руками, умывая их, отирая и лобызая их ноги, как Христос велел поступать апостолам” [37, 71].

Здоровый и крепкий человек, с огромной волей, энергичный, властный, всесторонне образованный и развитой, прекрасный проповедник и истинный пастырь своим духовным овцам, стро-

Остров патриарха Никона. Современный вид

гий аскет, с живой, широкой, щедрой натурой, любящий свой народ и любимый большинством народа, из которого сам вышел, может быть, излишне резкий и вспыльчивый, но знавший и состояние глубокого молитвенного молчания, созерцания и плача, горделивый, но в то же время способный к подлинному смирению, наделенный большим умом, художественным вкусом, административными, строительными и многими другими способностями, расчетливый и увлекающийся, — таким является перед нашим взором, по описанию Павла Алеппского, патриарх Никон — один из выдающихся святителей Русской Церкви.

Пребывание в Ферапонтовом монастыре послужило патриарху школой глубокого смирения. Здесь открылись новые его дарования, например дар врачевания. Он говорил приставу Шайсупову, что ему было видение, в котором и дана была от Христа сила излечения больных. Вместе с ним врачевали и жившие с ним старцы. Патриарх просил игумена дать особую келью для болящих,

но тот отказал в просьбе. Слух об успешном исцелении Никоном болезней распространился далеко за пределами Ферапонтова монастыря. Сюда потянулись страждущие из Вологды, Новгорода, Заонежья, Твери, Москвы. У его кельи собиралось иногда до 40 человек. После указа о переводе Никона в Кириллов его кельи были подвергнуты обыску. Наказ предписывал: “Прелестные его Никоновы лекарства все что ни есть корни и травы и водки и мази всенародне сжечь на огне, чтоб от него и ничего не осталось” [10, 218–219].

С патриархом Никоном связаны многие памятные места в Ферапонтове. Это и Надвратные церкви на Святых вратах — его домовый храм с прилегающей кельей-ризницей, деревня Лещево, основанная им на пус-

Архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) (стоит под крестом) и епископ Кирилловский Иоанникий (Дьячков) (стоит рядом) на острове патриарха Никона во время посещения Ферапонтова монастыря в 1911 г.

тоши. Архимандрит Макарий (Миролюбов), составляя описание Ферапонтовской волости [38, 11], упоминал о виденных им развалинах каменной пещеры в северо-западной части монастыря, устроенной ссыльным для уединенной молитвы. Особенный интерес представляет рукотворный остров на Бородаевском озере. Святейший со старцами свозил на плотах сюда большие камни и складывал их в форме креста, в центре которого установил высокий деревянный крест. На остров он уединялся для молитвы. Сюда вела каменная насыпь от монастыря. Остров сохранился, но сильно зарос кустарником. Крест был удален в числе других крестов и предметов, на которых была надпись, именовавшая Никона патриархом [35, 103].

Из вещей патриарха Никона сохранились стол и кресло из Надвратных церквей, а также стул-кресло, которое ссыльный святитель взял с собой из Ферапонтова монастыря в Кириллов. На нем с тыльной стороны подлокотника сделана краской надпись: “7176 (1668 год. — *Авт.*) марта — дня сий стул зделан смиренным Никоном патриархом в заключении за слово Божие и за святую Церковь в Ферапонтове монастыре в тюрьме” [10, 153–154]. Очевидно, надпись не заметили в то время, поэтому она и сохранилась.

В XIX столетии, когда Ферапонтов монастырь не был так широко известен, как ныне, путешественников он привлекал именно тем, что был связан с памятью патриарха Никона.

Кресло, сделанное патриархом Никоном в ссылке в Ферапонтовом монастыре в 1668 г.